

Вся эта история сильно сбивала с толку. Сяо Чжигэ знал немного больше, но у него тоже не складывалось единой картины. Ему оставалось лишь поджечь портрет огнем и сказать:

— Этот портрет затрагивает слишком многое. Забудь обо всем, что видел сегодня, и никому не обмолвись ни словом.

Ань Чанцин нахмурился: неожиданно свалившаяся беда наводила на него тревожные мысли. В прошлой жизни он никогда не покидал Ецзин и ничего не знал о Сицяне. И уж тем более не мог предполагать, что в Сицяне хранится подобный портрет. Переродившись, он изменил немало событий, однако это повлекло за собой еще больше того, чего не было в его прежней жизни.

И он не ведал, к добру ли все эти перемены или к худу.

Заметив его озабоченный вид, Сяо Чжигэ решил, что тот беспокоится о случившемся, и попытался утешить:

— Я уже отправил людей перехватить и уничтожить послов Сицяна. Отцу и остальным об этом ничего не станет известно.

Ань Чанцин покачал головой, уткнулся лбом в его плечо, тяжело вздохнул и с досадой произнес:

— Мне просто кажется, что в последнее время события сыплются одно за другим, и этому нет ни конца ни края.

Ощущение уходящего из-под ног контроля неизбежно вызвало раздражение. Он слегка злился на себя за то, что в прошлой жизни жил так глупо и ничего не замечал вокруг.

Сяо Чжигэ мягко погладил его по спине. Видя, как тот опечален, он решил перевести разговор на нечто более приятное:

— Скоро начнется разработка жадеитового рудника. Хочешь, я отвезу тебя посмотреть? Заодно выберешь себе несколько хороших камней.

Ань Чанцин все еще чувствовал себя подавленным, однако, подумав, что подобная возможность выпадает нечасто, все же кивнул и согласился поехать с ним.

После завершения сделки Сицянь отвел войска. Лагерь на границе сняли, однако на склонах гор осталось немало воинов Лянчжоу, закрывавших доступ в эти земли: в будущем сюда уже нельзя будет так просто проникнуть.

Они вдвоем прогулялись по руднику. Внутри ремесленники уже перебирали обломки породы, сошедшие во время горного обвала. Среди них было немало необработанных камней с жадеитовыми жилами, но отбирать их от обычных камней требовалось знающим людям, способным распознать ценную породу.

Проведя на руднике два дня, Ань Чанцин, пользуясь приёмами, которым научился у мастеров, выбрал несколько необработанных камней и велел распилить их. Кроме одного, испорченного вкраплениями, остальные оказались превосходным жадеитом высшего сорта с чистым, прозрачным блеском. Подавленное настроение Ань Чанцина, мучившее его последние два дня,

наконец улучшилось.

Закончив с отбором камней, они пробыли в Лянчжоу уже дней пять и стали собираться в обратный путь в Яньчжоу.

Все заботы по добыче жадеита поручили Чан Цзайчану. Что до торгового каравана для перевозки руды, еще предстояло присмотреть надежных и неболтливых людей. Но поскольку добыча только началась, спешки не было, и решение этого вопроса отложили до возвращения в Яньчжоу.

Ранним утром отряд на конях устремился по знакомой дороге обратно.

Ань Чанцин к этому времени уже научился ездить верхом, поэтому выбрал себе послушную кобылицу. Малыш Юй Сяо тоже отправлялся с ними в Яньчжоу, но из-за малого возраста не мог ехать сам, поэтому Сяо Чжигэ посадил его перед собой.

Сяо Чжигэ ничего не говорил, но лицо его оставалось мрачнее тучи, а взгляд то и дело устремлялся к ехавшему впереди силуэту.

Юй Сяо, сидевший перед ним, до того напугался, что боялся даже вздохнуть. Глядя на ехавшего впереди ванфэй, мальчик проникся к нему еще большим уважением. Теперь он знал, что его спас Бэйчжань-ванфэй, и был искренне убежден, что ванфэй не только добр сердцем, но и ни капли не боится такого сурового князя — вот уж истинная сила!

С наступлением пятого месяца погода становилась все теплее, и жители города сменили одежду на более легкую. Поскольку война утихла, в Яньчжоу было гораздо оживленнее, чем прежде. Когда они въезжали в город, многие горожане с улыбкой приветствовали их, вокруг царило процветание и оживление.

Они вернулись уже ближе к вечеру. Поручив Ань Фу позаботиться о Юй Сяо, Ань Чанцин и Сяо Чжигэ поужинали, умылись и приготовились к отдыху.

Преодолев долгий путь в день и ночь, Ань Чанцин чувствовал сильную ломоту в пояснице и ногах. Умывшись, он откинулся на подушки и стал разминать себе ноги, состряпав до того капризную гримасу, что выглядел почти по-детски.

Выйдя к нему, Сяо Чжигэ усмехнулся. Он непринужденно подошел, поднял его ноги и положил себе на колени. Осторожно разминая их, он произнес:

— Я же говорил, что ездить верхом тяжело, и предлагал ехать со мной.

Очевидно, Бэйчжань-ван все еще был досадован тем, что Ань Чанцин поехал отдельно, а ему подсунул ребенка.

Ань Чанцин поджал губы, легенько пнул его в плечо и пробурчал:

— Сначала было не так уж и тяжело.

Кто ж знал, что, слезши с лошади, он почувствует такую ломоту во всем теле, словно рассыпается на части. Ань Чанцин подумал, что всё дело в отсутствии практики, и решил, что в будущем просто нужно больше тренироваться.

В глазах Сяо Чжигэ блеснул огонек. Пользуясь случаем, он перехватил его ступню и провел мозолистым большим пальцем по подошве, вызвав у того приступ щекотки.

— Ой, не щекочи! — Ань Чанцин ужасно боялся щекотки. Он изо всех сил втянул ногу, пряча ее, и недовольно поглядел на него.

Взгляд Сяо Чжигэ потемнел. Он подался вперед и шепнул ему прямо на ухо:

— Но-но, давай сегодня исполним супружеский долг?

Ань Чанцин замлел, распахнув глаза во весь накал, а румянец от ушей мгновенно разлился по щекам, словно он остоленел.

Видя его таким, Сяо Чжигэ почувствовал, как чувства в груди захлестывают с новой силой. Он провел пальцами по его спине и тихо переспросил:

— Согласен?

Ань Чанцин наконец пришел в себя. От смущения он готов был сгореть со стыда: подобное происходило с ним впервые за обе жизни. Впрочем, они были женаты уже долго, так что исполнить супружеский долг являлось делом естественным. К тому же перед поездкой в Лянчжоу они уже договаривались, что сделают это по возвращении.

Ненормальным было лишь то, почему этот человек спрашивает его с таким серьезным видом?!

Бросив на него сердитый взгляд, Ань Чанцин возмущенно подумал: «Разве... разве такие вещи не делают просто так, опустив полог кровати? Зачем задавать глупые вопросы!»

Сяо Чжигэ не знал его мыслей и все так же терпеливо ждал ответа. Двое мужчин были вместе, и то, что Ань Чанцину приходилось уступать ему, уже казалось Сяо Чжигэ некоторой несправедливостью по отношению к нему. Он не хотел принуждать его — если тот окажется не готов, он подождет еще.

Под его пристальным взглядом Ань Чанцин не мог сказать ни «нет», ни «да». Однако, заметив затаенную надежду в его глазах, он нервно сглотнул и мысленно убедил себя, что в этом нет ничего страшного. Сжав пальцы, он хоть и не ответил словами, но, набравшись храбрости, приподнялся и поцеловал его.

Молчание оказалось красноречивее любых слов.

Мягкий, легкий поцелуй в уголок губ говорил сам за себя. В глазах Сяо Чжигэ набухла буря чувств, но он не позволил выдать ни капли лишнего, боясь испугать его.

На губах Сяо Чжигэ расцвела улыбка. Опустив взгляд, он бережно распустил его волосы, пропуская темные пряди сквозь пальцы, и так же нежно отпечатал поцелуй на его лбу:

— Не бойся...

В эту ночь Сяо Чжигэ был предельно ласковым.

Благодаря мазям и упражнениям по рецепту Ху Шифэя, Ань Чанцин не испытал особых мучений. Однако дорога, занявшая целые сутки, в сочетании с полуночными ласками

совершенно выжали из него силы, и вскоре после всего он крепко заснул.

А вот Сяо Чжигэ не спалось. Он бережно обмыл его, с трепетом прижал к себе и смотрел на него, не смыкая глаз.

Отныне человек в его объятиях без остатка принадлежал ему.

Проведя ночь без сна, Сяо Чжигэ чувствовал себя удивительно бодрым. На рассвете он вышел во двор и проделал комплекс упражнений боевых искусств. Израсходовав избыток энергии, он лично направился на кухню и велел приготовить блюда поособее — легкие и легкоусвояемые.

Вернувшись после поручений, он встретил Ань Фу, который собирался войти в комнату и разбудить хозяина. Сяо Чжигэ тут же остановил его, не желая тревожить сон Ань Чанцина:

— Сегодня ванфэй будить не нужно.

Ань Фу решил, что ванфэй просто устал с дороги, и ничего другого не заподозрил. Он забрал принадлежности для умывания и удалился, намереваясь прийти позже. Когда Ань Фу ушел, Сяо Чжигэ тоже не стал входить в спальню, а присел во дворе, уставившись на главные покои и о чем-то размышляя.

Когда Ци Вэй, Се Лин и остальные пришли его разыскать, они увидели своего князя с улыбкой на лице... сидящим и мечтательно глядящим в одну точку.

Ци Вэй и остальные пришли по делу и, услышав о его возвращении, поспешили в поместье генерала.

Увидев его в редком расположении духа и витающим в облаках, Ци Вэй не удержался и помахал рукой перед его лицом:

— Генерал?

Сяо Чжигэ опомнился, инстинктивно сглотнул улыбку и, придав лицу строгое выражение, взглянул на него:

— Зачем вы пришли? Что-то случилось?

Ци Вэй прокашлялся и искушающе спросил:

— Генерал так радуется, неужто случилось какое радостное событие?

Если есть радостные вести, почему бы не поделиться, чтобы все порадовались вместе? Ведь раньше никто и никогда не видел Сяо Чжигэ в таком виде: ликующий, раскрасневшийся — видно же, что произошло нечто прекрасное.